

TERRY
PRATCHETT

TERRY
PRATCHETT

Sourcery
Eric

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Посох и шляпа
Эрик

Москва
2016

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П68

Terry Pratchett

SOURCERY

Copyright © Terry and Lyn Pratchett 1988

ERIC

Copyright © Terry and Lyn Pratchett 1990

First published in Great Britain by Victor Gollancz Ltd, London.
This edition published by arrangement with Orion Publishing Group
and Synopsis Literary Agency

Разработка серийного оформления *Андрея Стафилова*

Иллюстрация на обложке художника *Джоша Кирби*

Пратчетт, Терри.

П68 Посох и шляпа. Эрик / Терри Пратчетт ; [пер. с англ. И. Кравцовой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 480 с. — (Терри Пратчетт. Коллекция).

ISBN978-5-699-92560-5

Иногда волшебниками становятся совершенно неподходящие люди! Взять, к примеру, Ринсвинда: за годы учебы в Незримом Университете ему удалось освоить одно-единственное заклинание. Вернее говоря, это заклинание «освоило» мозг Ринсвинда без разрешения последнего. Да и применить его никак нельзя — выпущенное на волю, оно уничтожит весь Плоский мир. Вот и приходится Ринсвинду (который, скажем откровенно, особыми талантами не блещет) в совершенстве освоить искусство «бегства от неприятностей». Но вы же знаете, что нельзя убежать вечно, правда?

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN978-5-699-92560-5

© И. Кравцова, А. Жикаренцев, перевод
на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Посох и шляпа

Много лет назад я увидел в Бате очень полную американку, которая быстро-быстро тащила за собой громадный клетчатый чемодан на маленьких постукивающих колесиках. Колесики цеплялись за трещины в асфальте и наделяли чемодан самостоятельной жизнью. Так на свет появился Сундук. Огромное спасибо этой американке и людям, которые работают в таких местах, как компания «Силовой кабель», штат Небраска, и не получают достаточной поддержки.

В этой книге нет карты. Можете нарисовать ее сами.

Жил-был один человек, и было у него восемь сыновей. Если не считать данного факта, человек этот был не более чем точкой на странице Истории. Печально, но вот и все, что можно сказать о некоторых людях.

Восьмой сын вырос, женился, и у него тоже родилось восемь сыновей, а поскольку для восьмого сына восьмого сына существует лишь одна подходящая профессия, он стал волшебником. И сделался он мудрым и могущественным (или просто могущественным), и носил остроконечную шляпу, и на этом все закончилось бы...

Во всяком случае, должно было закончиться.

Но вопреки магическому Закону и всем разумным доводам — если не считать доводов сердца, в которых много теплоты и беспорядка и мало, гм, разума, — он оставил волшебные стены, влюбился и женился (причем не обязательно в вышеуказанном порядке).

И родилось у него семь сыновей, каждый из которых с колыбели был как минимум таким же могущественным, как любой другой волшебник в этом мире.

А затем у него родился восьмой сын...
Волшебник в квадрате. Источник чудес.
Чудесник.

Над песчаными обрывами грохотал летний гром. Далеко внизу море шумно обсывало гальку, словно беззубый старикашка, которому дали леденец. В потоках восходящего воздуха лениво парили несколько чаек, ожидая каких-нибудь событий.

А отец волшебников сидел на краю обрыва среди кустов и шумящей морской травы, баюкал на руках ребенка и глядел на море.

В сторону материка двигалась взлохмаченная черная туча, и тот свет, который она толкала впереди себя, был похож на густой сироп, как это бывает перед по-настоящему сильной грозой.

Волшебник, за спиной которого внезапно наступила тишина, обернулся и поднял покрасневшие от слез глаза на высокую фигуру в черном одеянии и с капюшоном на голове.

— ИПСЛОР АЛЫЙ? — уточнила фигура голосом гулким, как пещера, и насыщенным, как нейтронная звезда.

Ипслор улыбнулся ужасной ухмылкой внезапно обезумевшего человека и продемонстрировал Смерти дитя.

— Мой сын, — сообщил он. — Я назову его Койн.

— ИМЯ НЕ ХУЖЕ ЛЮБОГО ДРУГОГО, — вежливо отозвался Смерть.

Пустые глазницы устали на маленькое круглое личико, погруженное в сон. Вопреки слухам, Смерть вовсе не жесток — просто он ужасно, ужасно хорошо выполняет свою работу.

— Ты забрал его мать, — проговорил Ипслор. Это была сухая констатация факта, в которой не чувствовалось никакой злобы.

От дома Ипслора, что стоял в долине над обрывом, остались одни дымящиеся руины, и поднимающийся ветер уже разносил по шуршащим дюнам хрупкие ошметки пепла.

— **ВООБЩЕ-ТО, ЭТО БЫЛ НЕ Я, А СЕРДЕЧНЫЙ ПРИСТУП. НО БЫВАЮТ И ХУДШИЕ СПОСОБЫ ОТПРАВИТЬСЯ НА ТОТ СВЕТ,** — утешил его Смерть. — **МОЖЕШЬ МНЕ ПОВЕРИТЬ.**

Ипслор посмотрел на море.

— **Вся моя магия не смогла спасти ее.**

— **ЕСТЬ МЕСТА, КУДА ДАЖЕ МАГИЯ НЕ СМЕЕТ ПРОНИКАТЬ.**

— **А теперь ты пришел за ребенком?**

— **НЕТ. У РЕБЕНКА СВОЯ СУДЬБА. Я ПРИШЕЛ ЗА ТОБОЙ.**

— **А-а.**

Волшебник поднялся на ноги, осторожно положил спящего мальчика на редкую траву и взял лежавший рядом длинный посох. Тот был сделан из какого-то черного металла, покрытого сеткой серебряных и золотых резных узоров, которые придавали посоху пышный и зловеще безвкусный вид. Металл назывался октирон и был магическим по самой своей сути.

— **Знаешь, ведь это я его выковал,** — похвастался Ипслор. — **Все говорят, что из металла посох сделать нельзя, мол, посох должен быть из дерева, но люди ошибаются. Я вложил в него большую часть своей души. И подарю его ребенку.**

Он с любовью провел ладонью по посоху, и тот отозвался слабым звоном.

— **Вложил в него большую часть своей души...** — повторил волшебник.

— **ХОРОШИЙ ПОСОХ,** — заметил Смерть.

Ипслор поднял посох в воздух и посмотрел на своего восьмого сына. Младенец загукал.

— **Она хотела дочку,** — проговорил волшебник.

Смерть пожал плечами. Ипслор бросил на него взгляд, в котором сочетались замешательство и ярость.

— **Кто же он такой на самом деле?**

— **ВОСЬМОЙ СЫН ВОСЬМОГО СЫНА ВОСЬМОГО СЫНА,** — ответил Смерть, ничуть не прояснив ситуацию.

Ветер дергал за одежду и гнал над головами черные тучи.

— **И кем же он станет?**

— **ЧУДЕСНИКОМ. ТЫ И САМ ЭТО ПРЕКРАСНО ЗНАЕШЬ.**

Словно по команде над землей прокатился гром.

— Но какова будет его судьба? — крикнул Ипслор, перекрывая вой поднимающейся бури.

Смерть снова пожал плечами. У него это здорово получалось.

— ЧУДЕСНИКИ САМИ ТВОРЯТ СВОИ СУДЬБЫ. МИРСКИЕ ДЕЛА ИХ МАЛО ЗАБОТЯТ.

Ипслор оперся о посох и начал барабанить по набалдашнику пальцами, по-видимому плутая в лабиринте собственных мыслей. Его левая бровь подергивалась.

— Нет, — тихо промолвил он. — Нет. Судьбу для него сотворю я.

— Я БЫ ТЕБЕ НЕ СОВЕТОВАЛ.

— Молчи! И слушай. Это они вынудили меня уйти — они, со своими книгами, ритуалами и Законом! Они называли себя волшебниками, но у каждого из них во всем его жирном теле было меньше магии, чем в одном моем мизинце! И они изгнали! *Меня!* За то, что я проявил хоть какие-то человеческие черты! А что есть человек без любви?

— ВЫМИРАЮЩИЙ ВИД, — ответил Смерть. — И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ...

— Слушай! Они заставили нас укрыться здесь, на краю света, и это убило ее! Они пытались отобрать мой посох!

Ипслор уже орал во всю глотку, перекрикивая рев ветра.

— Что ж, у меня еще осталась кое-какая сила, — рычал он. — И я говорю: мой сын поступит в Незримый Университет и будет носить шляпу аркканцлера, и все волшебники преклонятся перед ним! Он покажет им, что лежит в самых сокровенных глубинах их сердец. Их трусливых, жадных душонок. Он будет править судьбой мира, и ни один маг на Диске не сможет сравниться с ним.

— ОШИБАЕШЬСЯ.

Самое странное, что спокойный ответ Смерти заглушил собой завывание бури. На мгновение это вернуло Ипслору разум.

Волшебник неуверенно покачался взад-вперед и уточнил:

— Что-что?

— Я СКАЗАЛ «ОШИБАЕШЬСЯ». НИЧТО НЕ ОКОНЧАТЕЛЬНО. НИЧТО НЕ АБСОЛЮТНО. КРОМЕ МЕНЯ,

РАЗУМЕЕТСЯ. НЕБРЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ С СУДЬБОЙ МОЖЕТ ПРИВЕСТИ МИР К ГИБЕЛИ. У ДИСКА ДОЛЖЕН ОСТАВАТЬСЯ ШАНС НА СПАСЕНИЕ, ХОТЯ БЫ НИЧТОЖНЫЙ. ЮРИСТЫ, ЗАЩИЩАЮЩИЕ ПРАВА РОКА, ТРЕБУЮТ, ЧТОБЫ В КАЖДОМ ПРОРОЧЕСТВЕ ОСТАВАЛАСЬ ЛАЗЕЙКА.

Ипслор уставился на неумолимое лицо Смерти.

— То есть я должен дать им шанс?

— ДА.

«Тук-тук-тук», — забарабанили пальцы Ипслора по металлу посоха.

— Тогда они получают свой шанс, — согласился наконец волшебник. — Но только если ад покроется льдом.

— НЕТ. ДАЖЕ ПУТЕМ УМАЛЧИВАНИЯ МНЕ НЕ ДОЗВОЛЕНО СООБЩАТЬ, КАКАЯ ТЕМПЕРАТУРА ХАРАКТЕРНА ДЛЯ ТОГО СВЕТА.

— Тогда... — Ипслор заколебался. — Они получают свой шанс, если мой сын откажется от своего посоха.

— НИ ОДИН ВОЛШЕБНИК ДОБРОВОЛЬНО НЕ ОТКАЖЕТСЯ ОТ СВОЕГО ПОСОХА, — возразил Смерть. — ОН СЛИШКОМ ТЕСНО СВЯЗАН С ЭТИМ МАГИЧЕСКИМ ПРЕДМЕТОМ.

— Однако ты должен признать, что такое возможно.

Смерть задумался над утверждением. Он не привык, чтобы ему говорили, что он должен, а чего — нет, но решил не заострять на этом внимание.

— СОГЛАСЕН, — кивнул он.

— Для тебя это достаточно ничтожный шанс?

— ПРИЕМЛЕМО МИКРОСКОПИЧЕСКИЙ.

Ипслор немного расслабился и почти нормальным голосом заявил:

— Знаешь, я не жалею о содеянном. Будь у меня вторая жизнь, я бы прожил ее точно так же. Дети — вот наша надежда на будущее.

— НАДЕЖДЫ НА БУДУЩЕЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ, — возразил Смерть.

— Но тогда что ж оно нам готовит?

— МЕНЯ.

— Я имею в виду помимо тебя?

Смерть посмотрел на него озадаченным взглядом.

— ПРОСТИ, НЕ...

Рев бури у них над головами достиг апогея. Мимо задом наперед пролетела чайка.

— Я всегда хотел знать, — горько проговорил Ипслор, — что в этом мире есть такого, ради чего стоит жить.

Смерть обдумал его вопрос и наконец ответил:

— КОШКИ. КОШКИ — ЭТО ХОРОШО.

— Будь ты проклят!

— МЕНЯ МНОГИЕ ПРОКЛИНАЛИ, — ровным голосом откликнулся Смерть.

— Сколько у меня осталось времени?

Смерть выудил из сокровенных глубин своего одеяния большие песочные часы. Их колбы были заключены между черными с золотом пластинами, и почти весь песок перетек вниз.

— ОКОЛО ДЕВЯТИ СЕКУНД.

Ипслор выпрямился во весь свой по-прежнему внушительный рост и протянул сверкающий металлический посох сыну. Тот выпростал из-под одеяла похожую на маленького розового крабика ручку и крепко схватил подарок.

— Тогда пусть я буду первым и последним в истории этого мира волшебником, который передаст свой посох восьмому сыну, — медленно и звучно проговорил Ипслор. — И я поручаю ему использовать этот посох...

— НА ТВОЕМ МЕСТЕ Я БЫ ПОТОРОПИЛСЯ...

— ...На все сто процентов, — продолжал Ипслор, — и стать могущественнейшим...

Молния, с визгом вырвавшаяся из самого сердца тучи, воткнулась прямо в вершину шляпы волшебника, потрескивая пробежала по его руке, промелькнула по посоху и ударила в ребенка.

Волшебник исчез, оставив после себя лишь струйку дыма. Посох полыхнул сначала зеленым пламенем, потом белым, а затем просто раскалился докрасна. Малыш во сне улыбнулся.

Когда раскаты грома стихли вдали, Смерть медленно нагнулся и взял ребенка на руки. Тот открыл глаза.

Они сияли золотистым светом. Впервые в... За неимением лучшего слова придется назвать это жизнью. Так вот, впервые в жизни Смерть обнаружил, что смотрит в глаза, взгляд которых ему трудно вынести. Они как будто фокусировались в точке, которая находилась где-то внутри его черепа.

«Я не хотел... — произнес голос Ипслора откуда-то из воздуха. — Он не пострадал?»

— НЕТ. — Смерть наконец нашел в себе силы оторваться от всезнающей улыбки младенца. — ОН ВОБРАЛ В СЕБЯ ЭНЕРГИЮ МОЛНИИ. ОН ЧУДЕСНИК. ДЛЯ НЕГО ЭТО СУЩИЙ ПУСТЯК. А ТЕПЕРЬ... ТЫ ПОЙДЕШЬ СО МНОЙ.

«Нет!»

— ДА. ВИДИШЬ ЛИ, ТЫ МЕРТВ. — Смерть оглянулся в поисках колышавшейся тени Ипслора и не смог ее обнаружить. — ТЫ ГДЕ?

«В посохе».

Смерть оперся на косу и вздохнул.

— ГЛУПО. Я ЖЕ ЛЕГКО ДОСТАНУ ТЕБЯ ОТТУДА.

«Не получится. Для этого тебе придется уничтожить посох, — возразил голос Ипслора, и Смерти показалось, что в нем появились какие-то новые, густые, торжествующие нотки. — Но сейчас, когда малыш принял мой дар, ты не можешь уничтожить посох, не уничтожив младенца. А для этого нужно изменить ход вещей. Мое последнее волшебство. По-моему, довольно ловко».

Смерть потыкал в посох пальцем. Посох начал потрескивать, и по нему самым бесстыжим образом забегали искры.

Как ни странно, Смерть не особенно разозлился. Злость — это эмоция, но для эмоций требуются железы, а Смерти железы ни к чему, поэтому ему нужно было очень уж завестись, чтобы разозлиться. Но легкое раздражение он все же испытал. Смерть снова вздохнул. Люди не раз пытались проделывать подобные штучки. С другой стороны, за этим довольно интересно наблюдать, и, по крайней мере, данный фокус был более оригинальным, чем обычная символическая игра в шахматы, которой Смерть всегда побаивался, поскольку никак не мог запомнить, как ходит конь.

— ТЫ ТОЛЬКО ОТТЯГИВАЕШЬ НЕИЗБЕЖНОЕ, — предупредил он.

«В этом и заключается жизнь».

— НО ЧЕГО ТЫ НАДЕЕШЬСЯ ДОБИТЬСЯ?

«Я останусь рядом с сыном. Стану учить его, хотя он и не узнает об этом. Буду направлять его разум. И когда он повзрослеет, буду направлять его шаги».

— НО СКАЖИ, — спросил Смерть, — КУДА ТЫ НАПРАВИЛ ОСТАЛЬНЫХ СВОИХ СЫНОВЕЙ?

«Я выгнал их из дома. Они осмелились спорить со мной, не желали слушать то, чему я их учил. Но этот малыш меня послушает».

— РАЗУМНО ЛИ ЭТО?

Посох ничего не ответил. Лежащий рядом мальчик довольно улыбнулся при звуке голоса, который он один мог услышать.

Невозможно найти аналогию тому, каким образом всемирная черепаха Великий А'Туин движется на фоне галактической ночи. Когда ваша длина составляет десять тысяч миль, а панцирь изрыт метеоритными кратерами и покрыт льдом комет, единственное, на кого вы можете походить, это на себя самого.

Итак, Великий А'Туин медленно плыл в межзвездных глубинах, словно самая большая из всех когда-либо существовавших черепашек. Он нес на своем панцире четырех громадных слонов, на чьих спинах покоился огромный, сверкающий, окруженный Краепадом диск Плоского мира, существовавшего либо благодаря какому-то немислимому выверту на кривой вероятности, либо потому, что богам тоже присуще чувство юмора.

Чувство юмора, которым немногие люди могут похвастаться.

Неподалеку от берегов Круглого моря, в древнем, раскинувшимся на многие мили городе Анк-Морпорке на бархатной подушке, что лежала на полке на одном из верхних этажей Незримого Университета, хранилась шляпа.

Это была хорошая шляпа. Просто отличная шляпа.

Разумеется, она была остроконечной, с широкими волнистыми полями, но только покончив с этими основополагающи-

ми деталями, ее изготовитель по-настоящему взялся за дело. Шляпа была украшена золотым кружевом, жемчугом, полосками самого что ни на есть настоящего дурноста¹, сверкающими анкскими камнями², невероятно безвкусными блестками и кольцом из октаринов.

Поскольку на данный момент октарины не окружало сильное магическое поле, камни были тусклыми и походили на довольно плохонькие бриллианты.

В Анк-Морпорк пришла весна. Это не было заметно с первого взгляда, но существовал ряд признаков, которые истинные знатоки замечали с первого взгляда. К примеру, пена на реке Анк, на этом величественном, широком, медленном водном пути, который служил двуединому городу резервуаром, канализационным коллектором и зачастую моргом, приобрела радужно-зеленый цвет. Окосевшие городские крыши покрылись матрасами и подушками — это горожане выставили зимние постельные принадлежности просушиться на слабеньком солнышке. В глубине затхлых подвалов выгибались и стонали балки, сок внутри которых отзывался на извечный зов корней. Птицы вили гнезда среди сточных труб и карнизов Незримого Университета, хотя необходимо отметить: как бы велика ни была нехватка мест для гнездования, ни одна птица ни разу не устроила гнездо в зазывно открытых ртах выстроившихся вдоль крыши горгулий-водомеров — к большому разочарованию последних.

Нечто вроде весны пришло даже в древний Университет. Наступил День Мелких Богов, и волшебники должны были избрать себе нового аркканцлера.

Ну, не совсем *избрать*, поскольку волшебники не очень-то жалуют все эти унизительные затеи с голосованием. К тому же хорошо известно, что аркканцлеры избираются согласно

¹ Дурноста́й — это небольшой черно-белый родственник лемминга, встречающийся в холодных районах Пупземелья. Его мех крайне редок и высоко ценится — особенно самим дурностаем. Этот паршивый маленький эгоист пойдет на что угодно, лишь бы не расставаться со своей жалкой шкуркой.

² Что-то вроде лунных камней, только родом из другого места. В том, что касается блестящих предметов, волшебники отличаются вкусом и самообладанием свихнувшейся сороки.